

Поиски и новации

МНЕ повезло. Живя* в Свердловске с 1924 года, я в течение многих лет наслаждался искусством прославленных певцов, дирижеров, режиссеров, танцовщиков нашего оперного театра. Но не всегда путь этого коллектива был гладким, как это может порой показаться. Сказывались в театре различные творческие течения и веяния. О них тоже небезынтересно, а иногда и поучительно вспомнить.

В тридцатые годы, когда советских опер еще почти не было написано, некоторые театры стали особенно интенсивно обновлять и переосмысливать классический репертуар. Так, гениальная опера Глинки «Иван Сусанин» в те годы была переложена на оперу... «Серп и молот» с примитивной попыткой показать дружбу рабочих и крестьян. «Тоска» Пуччини поллила название «Декабристы» с соответствующим сюжетом... Ее события из знойной Италии перекочевали в снежную Россию.

Сложные поиски новой сценической формы затронули и наш театр. Помню, как в опере «Фауст», поставленной известным режиссером Н. Боголюбовым, в апофеозе на сцену выезжал паровоз (!), и Фауст с Мефистофелем что-то там ковали (или разбивали?) под сладкозвучную музыку Гуно.

Режиссер В. Масловская в спектакле «Евгений Онегин» желая, видимо, подчеркнуть «непонятность, одиночество Онегина среди окружающего его бездушного общества, прикрыла лица артистов хора на балу уродливыми масками...

Даже такой выдающийся режиссер, как В. А. Лосский, не сумел противостоять «новым веяниям» и в спектакле «Севильский цирюльник» Россини, отдав дань формализму, выстроил всю сценическую площадку в виде флаконов из-под духов. Причем один из флаконов (ту-

да зачем-то заходил Дон Базилио) имел табличку с выразительной надписью «00»!

В отличие от театральных «гурманов», трудящийся зритель сразу отвергал и не принимал всякого рода формалистические выверты.

Прошумели годы... Но рецдивы увлечения формой в ущерб содержанию нет-нет, да и проглядывали.

В годы Великой Отечественной войны театральные деятели были вместе со своим народом в мыслях и делах его. Хотелось как-то скорее откликнуться на происходящее в мире, силой своего искусства в меру возможностей оказать поддержку народу-воину.

Первой постановкой военного времени на сцене Свердловского оперного театра стала опера Ц. Кюи «Мадмуазель Фифи» по одноименному рассказу Г. Мопассана. В процессе подготовки спектакля режиссер и исполнители (среди них — автор этих строк), желая как-то ярче отобразить сущность фашизма, наделили и их предшественников — прусских завоевателей (персонажей оперы) — внешними отталкивающими приметами. Так, у одного торчали длинные клькы, у другого уши явно напоминали уши Непотыря и т. д.

Однако представители общественных организаций, умевшие среди массы дел и забот военного времени внимательно следить за ходом нашей работы, предостерегли театр от ошибки. «То, как вы хотите показать немцев, — дело «Окон ТАСС» и журнала «Крокодил». Вы же, театральные деятели, должны обнажать внутреннее нутро фашизма».

Вовремя поданный совет пошел впрок, спектакль изменился. Премьера его была положительно оценена прессой.

Л. НЕВЛЕР,
режиссер театра музкомедии.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСКИЙ
Г. СВЕРДЛОВСКИЙ

7 АПР 1968